

«ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ» В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА КОЖЕВА

А.М. РУТКЕВИЧ

Текст Александра Кожева «Латинская империя. набросок французской внешней политики» был написан в августе 1945 г., его адресатом были руководители экономического блока послевоенного правительства де Голля (одним из них был Р. Маржолен, слушатель курса лекций Кожева в 30-е гг., в будущем один из создателей европейского «Общего рынка»). Обнаружен в архиве и опубликован этот текст был в 1990 г.¹ Он сразу вызвал значительный интерес, поскольку в нем увидели «умозрительный» источник идеи Европейского Союза. С учетом того, что сам Кожев занимал в 40–60-е гг. малозаметный, но важный пост в министерстве внешнеэкономических отношений Франции и участвовал в важнейших переговорах по созданию «Общего рынка» и ГАТТ, текст подтверждал то довольно распространенное мнение, согласно которому Кожев был «серым кардиналом» французской экономической политики.

Набросок отсылает нас к реалиям того времени. Начальный пункт размышлений – две угрозы Франции. Первую из них представляет собой Германия, вторая проистекает из возможной войны между англосаксами и СССР. Этот эскиз Кожев писал в августе 1945 г. (дата завершения – 27 августа), когда едва закончилась Вторая мировая война, страны-победительницы торжествовали и приступали к демобилизации своих армий. Германия была оккупирована и лежала в развалинах. Кожев был прозорлив: столкновение США и СССР было неизбежно, появление атомного оружия делало такое столкновение смертельной угрозой для Франции. Что же касается угрозы Германии, то она является, по Кожеву, отныне не военной, но экономической. Восстановление немецкой промышленной машины сделает Францию второразрядной страной. На тот момент немецкие города лежали в руинах, тогда как французская промышленность почти не пострадала; сравнительно небольшими были и человеческие жертвы. Однако для Кожева было совершенно очевидно то, что Германия быстро восстановит экономику, тогда как Франция находится в упадке.

Это не было секретом и для тех, для кого был предназначен этот документ: все мыслящие французы понимали, что поражение в войне и оккупация были итогом упадка их страны в межвоенный период². Особенностью взгляда Кожева на этот упадок является то, что он обходится без описания тех ошибок во внешней и внутренней политике, которые были допущены и французскими «правыми», и французскими «левыми» во времена Народного фронта. Даже при правильных мерах в экономике и военном строительстве Франция все равно проиграла

бы войну — в столкновении двух национальных государств она была намного слабее Германии.

Однако и Германия проиграла войну, поскольку пыталась строить империю («Рейх») на базе национального государства. Гитлеровский лозунг «Один Рейх, один народ, один фюрер» был, по мнению Кожева, просто (плохим) переводом на немецкий лозунга французской революции: «Республика, единая и неделимая». «Германское национальное государство заставило служить себе 80 миллионов своих граждан, военные и гражданские (если не моральные) качества которых оказались выше всяких похвал. Тем не менее, сверхчеловеческие политические и военные усилия нации лишь отсрочили исход, который поистине можно назвать “фатальным”»³. Времена национальных государств завершаются. Страна, которая, подобно Германии, станет следовать мечтам и «приносить в жертву реальные ценности ради ветхого и нежизнеспособного идеала, политически безнадежна», а потому нужно, «сбросив неподъемную ношу славного и древнего прошлого нации, четко и ясно заявить, что “национальный” этап Истории завершен, что Франция как *национальное* государство раз и навсегда превратилась в политический труп»⁴. Нация должна переступить через себя и войти в союз родственных наций, более крупной общности — Империи; тогда и смерть замкнутой на себе нации предстанет в виде возрождения.

«В настоящий момент мы являемся свидетелями решающего перелома в истории, сопоставимого с тем, что имел место в конце Средневековья»⁵. На протяжении пары столетий Нового времени формирующиеся национальные государства подминали под себя феодальные уделы. Вооруженную ружьями и пушками армию могли себе позволить формирующиеся национальные государства; они обладают сегодня достаточной экономической и демографической основой для вооружения войск автоматами и пулеметами. Только современная моторизованная, бронированная и располагающая мощной авиацией армия уже выходит за пределы возможностей национального государства. Содержать подобные армии могут только империи, т.е. союзы родственных наций. «Современное государство только тогда является государством, когда оно является Империей»⁶. Германия проиграла в борьбе с двумя империями, которые были порождены совсем не имперскими идеологическими проектами.

Первый из них, «буржуазный» либерализм, предлагал ограничить государство полицейской администрацией («ночной сторож»), тогда как в остальном оно отмирает. Другой проект, «интернационалистский» социализм, утверждал, что сегодня осуществляется переход от наций к человечеству. Ссылающиеся на диалектику Гегеля коммунисты не видели того, что «прежде чем обрести свое воплощение в человечестве, гегельянский *Weltgeist*, покинувший нации, поселился в империях»⁷. Кожев пишет о «гении» Сталина и Черчилля, которые преобразовали

эти два идеологических проекта в имперском духе. Либерализм, сохранив всю риторику «прав и свобод», утратил свой пацифистский и даже анархистский характер — это идеология имперской воли к власти англосаксонского капитала. Сталин искоренил интернационализм («троцкизм»), гуманитарную утопию «человечества», равно как и анахронизм гитлеровского «национального социализма», «основанного на политически отжившей реальности нации»⁸, и породил имперское советское государство как единство целого ряда наций и народов.

Сегодня сталкиваются две империи, англо-американская и славяно-советская, а Германия вынуждена будет присоединиться к одной из них; более того, уже «можно предсказать, что Германия будет ориентироваться на англосаксонскую позицию»⁹. Именно это грядущее столкновение представляет непосредственную опасность для Франции. Кожев не упоминает того, что было и так понятно де Голлю и его окружению: во Франции подобное столкновение вовне обернется еще и гражданской войной — позиции коммунистов чрезвычайно усилились во время оккупации и Сопrotивления. Поэтому предлагаемый Кожевом проект нейтральной по отношению к двум возникающим блокам «Латинской Империи» не был измышлением кабинетного ученого (таковым, кстати, Кожев никогда и не являлся), но имел отношение к послевоенной геополитической реальности. То, что сходный проект стал осуществляться через несколько лет с участием ФРГ, было связано с экономическими («план Маршалла») и военно-политическими (НАТО) преобразованиями.

Основная часть этого документа посвящена мерам по объединению экономик Франции, Италии и Испании, которые сопрягаются с политическими мерами — только что избавившаяся от фашистов (и еще не определившаяся — быть ей монархией или республикой) Италия, франкистская Испания и Франция, где в руководимое де Голлем правительство входили коммунисты, вряд ли могли легко договориться о каком бы то ни было союзе. Однако та же коммунистическая партия вовсе не является революционной в подлинном смысле слова. «Так как на самом деле общее направление ее политики задается также Москвой, коммунистическая партия в настоящее время походит на консервативную партию, программный лозунг которой может быть выражен лозунгом вишистского режима: “Труд — Семья — Отечество”»¹⁰. При договоренности с Москвой, заинтересованной в нейтралитете романских стран, эта партия может стать одной из крепящих конструкций Империи. Этому должна поспособствовать и, условно говоря, социал-демократическая внутренняя политика. Нет нужды копировать социальное устройство какой-либо из двух соперничающих империй. «Ибо “либерализм” крупных нерегулируемых картелей и массовая безработица, дорогие англо-саксонскому блоку, и уравниловка и подчас “варварский” этатизм Советского Союза вовсе не исчерпывают всех

возможностей рациональной экономической и социальной организации. В частности, совершенно очевидно, что “советское” *имперское* устройство не имеет ничего общего с “коммунизмом” и легко может быть от него отделено»¹¹. Важно то, что все три¹² романских государства потенциально объединимы в Латинскую Империю, причем немалую роль в этом должна сыграть католическая церковь — этому посвящен обширный последний раздел наброска.

Разбор всех экономико-политических аспектов данного эссе не входит в наши задачи, поскольку геополитический анализ Кожева прямо не проистекает из его философии. Тем не менее между ними имеется целый ряд значимых пересечений. Прежде всего, они затрагивают центральный пункт историософии Кожева относительно «конца истории», наступающего вместе с появлением «универсального и гомогенного государства». В докладе уточняется видение Кожевом процесса формирования такого «последнего царства»: эпоха национальных государств завершается, их борьба сменяется конфликтом империй, объединяющих несколько государств; этот конфликт прямо именуется им «конфликтом цивилизаций». Сами эти цивилизации имеют в качестве основания различные версии христианства: противостояние с Англией и Германией, которые выступают как неизбежные союзники США, связывается им с давней оппозицией католицизма романских народов и протестантизма.

О том, что мы живем в эпоху империализма, с начала XX в. были написаны целые библиотеки. Предшественников у Кожева было немало, в том числе и в России. В частности, о переходе от национальных государств XIX в. к империям XX столетия ярко писал по ходу Первой мировой войны Н.А. Бердяев¹³. Однако те, кто писал об империализме ранее, имели в виду прежде всего существовавшие тогда колониальные империи (или страны, вроде, Германии, мечтавшей отвоевать себе «место под солнцем» путем передела подвластных территорий). Кожев имеет в виду иное: сами страны единой европейской цивилизации складываются в три империи в зависимости от принятой разновидности христианства. С понятной ссылкой на «некоторых социологов» он утверждает, что капиталистическая «англосаксонская или германо-англосаксонская империя сегодня по-прежнему во многом питается духом протестантизма». С другой стороны, несмотря на официальный атеизм, «СССР заново открыл православную церковь» и «все более принимает форму империи, которая оказывается не только славяно-советской, но еще и православной»¹⁴. Поэтому Латинская Империя с неизбежностью будет католической. Собственно говоря, «латинское единство уже в какой-то степени осуществлено или претворено в жизнь в единстве католической церкви»¹⁵. Последняя, так сказать, вошла в плоть и кровь романских народов, она определила их ментальность, она куда более, чем протестантизм, склонна освящать «умозрительную

или даже бездеятельную жизнь человека», изобразительные искусства, гуманизировать телесно-чувственную жизнь человека, радости жизни (*dolce vita, joie de vivre*).

Началом человеческой истории в доктрине Кожева считалась «борьба за признание», исходом которой было появление Господина и Раба; завершением истории провозглашалось «универсальное и гомогенное государство». Французское *fin de l'histoire* можно перевести и как «конец истории», и как «цель истории». Для Кожева эти два значения чаще всего совпадали, менялось лишь определение той точки, которую можно считать завершением истории. В своем курсе 1934–1939 гг. он несколько раз утверждал, что философия Гегеля и фигура Наполеона уже символизируют этот конец истории, поскольку в дальнейшем происходит лишь повторение уже сказанного в сфере философии («оригинальное» и «новое» представляют собой просто повтор уже сказанного кем-нибудь до Гегеля), а революции и войны, техника и промышленность просто разносят по свету те же самые начала. Скажем, революции в России и Китае, освобождение от колонизаторов какого-нибудь Того представляют собой шаги по распространению по планете принципов Французской революции, «гештальт» Гражданина, синтезирующего в себе прежних Господина и Раба. В нескольких примечаниях, добавленных к переизданиям его курса, Кожев по-разному уточнял смысл «конца истории». В какой-то момент он пессимистически оценивал его как царство «последнего человека», утрачивающего собственную человечность вместе с исчезновением труда и борьбы. Затем, после поездки в Японию (1959), он внес коррективы: искусство, игра форм, «снобизм» могут заменить стремление к власти и прибыли.

Если брать то время, когда Кожев писал «Латинскую империю», подобного пессимизма у него не было. Во время оккупации он написал два больших текста: «София, фило-софия, феноменология» и «Очерк феноменологии права». Вторая рукопись была его первой большой книгой, написанной по-французски (1943), она была опубликована по рекомендации Р. Арона в 1980 г. Первый из манускриптов был написан еще по-русски и до сих пор лишь отчасти расшифрован¹⁶. В этой большой работе, завершенной в 1941 г., Кожев ближе всего подходит к ортодоксальному марксизму, но уже через пару лет он дает самое подробное описание того «универсального и гомогенного государства», на котором завершится история. Не входя в детали, можно сказать, что это охватывающее все человечество государство сохраняет частную собственность, наемный труд, а тем самым и экономическое неравенство, но оно минимизируется предельно высокими налогами на наследство, перераспределением, выравниванием и т.д. Иначе говоря, речь у него идет о том идеале «социального государства», который ранее был характерен для социал-демократов, а ныне сделался чем-то само собой разумеющимся в Западной Европе. Носителем именно такой

организации общества должна была, по его мнению, стать Латинская Империя, отличающаяся тем самым и от капитализма англосаксов, и от этатизма СССР.

То, что Кожев целенаправленно воплощал на практике идею единой Европы, было, таким образом, связано с его пониманием исторического движения. В письме своему другу Лео Штраусу в 1950 г. он писал, что если страны Европы останутся верны «чистому» капитализму и национализму, то они проиграют СССР в борьбе за будущее. Итогом все равно будет универсальное и гомогенное государство, но Кожев не скрывает того, что ему симпатичнее путь к нему без террора, тогдашней «лысенковщины» и прочих прелестей сталинской системы¹⁷.

Таким образом, тезис относительно отмирания наций и появления нового типа империй не вступает в противоречие с философией истории Кожева, будучи уточнением последней. «Конец истории» наступит вместе с победой одной из империй над остальными, границы государств исчезнут, а вместе с ними исчезнут армии и разведки, дипломаты и политики. Неизбежность такого «последнего царства» Кожев однажды так сформулировал в разговоре с Р. Ароном: «Люди ведь когда-нибудь перестанут убивать друг друга».

Значительно труднее совместить с его учением то превознесение католицизма, которое обнаруживается в заключительной части «Наброска...». Разумеется, политики нередко использовали религию в своих целях, будучи даже не просто неверующими, но очевидными врагами христианства. Упомянутый Кожевом советский вожь в этом отношении ничем не отличался от итальянского дуче, для которого католицизм как «религия отцов» просто подкреплял «римский миф». «Для Муссолини католицизм родился в форме восточной секты, но обрел свою универсальность, переместившись в Рим. Если фашизм не почитал Церковь как хранительницу божественной истины, он признавал в ней *иерофанию римскости*... т.е. продукт и выражение итальянской крови, но не “религию человека”, универсальное откровение Бога»¹⁸. Кожев также весьма «практично» смотрел на католическую церковь, но его привлекал, как мы увидим, именно ее универсализм. Любопытно его сопоставление 1936 г. борьбы фашистов и коммунистов с противостоянием протестантов и католиков в XVII в.¹⁹, если учесть, что на то время он явно симпатизировал «красным».

Атеизм Кожев унаследовал от младогегельянства, он опирался и на «Бытие и время» Хайдеггера²⁰, но у него был один определяющий источник: «Воля к власти» и учение о «сверхчеловеке» Ницше в неявном виде вошли в антропологию и философию истории Кожева. К Ницше восходит и повторяющаяся на протяжении всего курса Кожева мысль о том, что христианское «несчастное сознание» есть «рабское самосознание». Фигура Господина также понимается Кожевом на ницшеанский манер, но очевидно и ее отличие от воспевавшего «вла-

дычный строй души» и «аристократическое для себя бытие» Ницше²¹: воин-аристократ представляет собой «экзистенциальный тупик», он не меняется на протяжении истории, он ее не творит. Вопреки Ницше (да и Гегелю), Кожев выводит и понятийное мышление, и научное познание из труда: «Познание, абстрактная мысль, наука, техника, искусства — все это имеет своим истоком подневольный труд Раба»²². Сама идея свободы, освобождения могла родиться только в сознании Раба; все то, что именуется прогрессом, имеет смысл только для рабского сознания, тогда как своеволие остается тупиком для человечества, поскольку Господин «способен *по-человечески* умереть, но *жить* он способен только как животное»²³.

Вся система оценок у Кожева расходится и с Ницше, и с той критикой христианства, которую со времен Просвещения вели (и ведут донныне) всякого рода «свободомыслящие». Христианство для Кожева содержало великую истину: это оно ввело время в самопознание человека, создало предпосылки исторического мышления. Собственно говоря, свою философию Кожев именуется «антропотезизмом», а всякое «Человекобожество» генетически восходит к «Богочеловечеству». При этом уже раннее христианство находит у него слова одобрения, поскольку оно выступало прежде всего как отрицание сущего, как «критика Мира в его тотальности — обесценивание языческих ценностей государства, семьи» и им подобных²⁴. Воплощенной истиной христианства является универсальная история, «обожение» человека в ее конце. Он находит в христианстве корни и картезианства, и Просвещения, и революции²⁵. Подчеркивается и значение теологии, поскольку в ней в христианском мире выражается всеобщее, тогда как философ в этом мире есть частное существо. «Оппозиция между (богословской) Верой и (философским) Разумом в христианском Мире необходима и неизбежна»²⁶. Догегелевская философия рассматривает человека изолированно от природного и социального мира, тогда как теология раскрывает «универсальный аспект человеческого существования: Государство, Общество, Народ»²⁷. Только философия Гегеля как синтез всеобщего и частного смогла преодолеть это противостояние, но только потому, что сама она уже перестала быть философией, но сделалась Мудростью.

Если просветители писали о христианстве как об обмане, а Ницше видел в нем *ressentiment*, «восстание рабов в морали», то для Кожева именно христианство меняет самосознание, образ человека. Если язычник таковым рожден, то христианином нужно стать: «Христианин признается как христианин лишь потому, что он совершает *усилие*, чтобы стать таковым»²⁸. Хотя это действие еще устремлено к трансцендентному, христианин действует, *трудится* ради этой цели. «Христианский Мир является миром, в котором труд обладает положительной ценностью. А потому мы имеем дело с триумфом идеологии труженика-Раба... Труд преобразует Природу и внутренний мир труже-

ника: Христианин делается “культурным” человеком (gebildet). Отсюда проистекает доминирование абстрактной мысли и рационализма²⁹. Христианский мир порождает тем самым и фигуру Интеллектуала.

Более того, христианское «несчастное сознание» возвышается над античной натурфилософией: «партикуляризм» христианства имеет огромное историческое значение, поскольку он способствует развитию человеческой индивидуальности. Именно христианство создало «внутреннего человека», развило способности мыслить и чувствовать. Христианство — пусть в фантастической форме — осуществляет в своем персонализме синтез индивидуального и всеобщего. Для Кожева в античной философии преобладает абстрактно-всеобщее, тогда как именно христианство задало новую онтологию и новую антропологию. Всякая наделенная духом сущность сосредоточена в самой себе, но причастна к божественному именно в средоточии своего бытия, в своей неустрашимой индивидуальности. У Гегеля, полагает Кожев, человек перестает быть «микрокосмом», соотносящимся с природным «макркосмом»: у человека нет предзаданной природы, он творит историю и сотворен ею. Попытки приписать человеку ту или иную врожденную «природу», неизбежно ведут к сведению его на уровень животного, а это ведет к ряду следствий. В письме Л. Штраусу (29.10.1953) Кожев писал: «Ведь животные, которые, без сомнения, обладают такой природой, никогда не являются морально “хорошими” или “дурными”, но лишь *здоровыми* или *больными*, *дикими* или *прирученными*. Поэтому вполне можно считать, что именно *античная* антропология должна вести к *дрессировке* масс и к расовой *евгенике*»³⁰. Христианство выводило человечество из мира господ и рабов, в котором одни скоты правили другими.

Гегелевское «несчастное сознание» обозначало не сознание христиан во все времена, но раннее христианство античного мира. У Кожева оно предстает как психология христианина вообще, как «наиболее совершенный тип религиозности». «Чего хочет Христианин? Того же, что и все прочие: объективироваться, *осуществить* свой идеал, который — пока он не реализован — открывается ему в чувстве нехватки, Schmerz, страдания. Но до тех пор, пока он остается человеком Религии, он и не осуществляется. Или, если угодно, он остается таковым, пока идеал не реализован»³¹. Осуществление идеала означает признание *другими* людьми, более того *всеми другими*, а потому полная самореализация индивидуальности всякий раз выступает как синтез особенного и всеобщего. Религиозное чувство христианина указывает именно на такой синтез, только лежит он за пределами собственной жизни, даже за пределами посюстороннего мира: «Человек воображает Бога, поскольку желает объективироваться. И он воображает его *трансцендентным*, поскольку самому ему не удастся объективироваться в Мире»³². Идеал переносится в потустороннее, он объявляется недостижимым, поэтому сознание христианина есть «несчастное сознание», поэтому психоло-

гия христианина препятствует всем усилиям по воплощению идеала в реальности. Революционное стремление к реализации идеала означает тем самым отрицание христианства.

Как и Гегель, Кожев считает христианство «последней» религией: Религия Откровения «снимает» все предшествующие формы поклонения богам. Гегелевское «снятие» (упразднение и сохранение в одно и то же время) можно считать центральной идеей возникающего в это время историцизма.

Каждая религия соответствует определенному типу общества, «духу народа» (*Volkgeist*); развитие религиозных представлений есть лишь момент реальной исторической эволюции. Религия есть «проекция в потустороннее» социальной реальности, но, с другой стороны, и такой *Volkgeist* (и даже сам народ) не может образоваться без общей для всех его представителей религии. Судить о той или иной конкретной религии следует не столько по ритуалам и теологическим спорам, сколько по тому, насколько она выражает потребности социума в целом. Без Римской империи «Христианство осталось бы просто галилейской сектой. Однако и новое социальное единство, *христианский Мир*, могло состояться лишь потому, что у него имелась проекция в христианскую *Религию*»³³. Единая средневековая католическая Европа является первым наброском «универсального и гомогенного государства».

Католичество является законным наследником Римской империи, оно несет в себе дух универсализма. В Новое время философия была выражением индивидуальных умозрений; в эпоху Просвещения она стала выражать индивидуализм буржуа. Универсальное постигалось именно в рамках теологии — пусть в совершенно превратных, искаженных верой в потустороннее формах. В отличие от индивидуалистичного протестантизма, близкого в том числе и буржуазному эгоизму, католицизм сохранял и специфическую юридическую рациональность римлян, и универсализм христианства. В докладе о Латинской Империи Кожев говорит даже о том, что католицизм в значительной степени сформировал и своеобразную рациональность романских народов, и некоего рода «почвенничество»³⁴, предпочтение гармонии, а не романтических порывов или перекройки планеты с помощью техники и наукообразного планирования.

Все это почтение и к «религии рабов», и к католической церкви не отменяет того, что философия Кожева представляет собой последовательное развертывание антропотейзма, роднящего эту версию неогегельянства и с младогегельянством XIX в. (Фейербах, Маркс и др.), и с российским «человекобожеством» Серебряного века. Собственно говоря, та пара, которая завершает у него историю («Наполеон + Гегель»), вместе образует некое подобие «сверхчеловека»³⁵. Свою философию истории Кожев впоследствии не случайно возводил к тем версиям еретического богословия, которые провозглашали (начиная

с Иоахима Флорского) «царство Св. Духа», сменяющее царства Отца и Сына. Да и некоторые его суждения о «конце истории» напоминают «свободную теократию» В. Соловьева. Правда, если вспомнить о том, что писал В. Соловьев в «Трех разговорах об Антихристе», равно как и написанное некоторыми другими православными мыслителями о логике «человекобожества», то завершающая историю фигура «сверхчеловека» не случайно стала вызывать у самого Кожева все больший скепсис. Исторического человека определяли борьба и труд, отрицание данности и самоотрицание; вместе с завершением *этой* истории исчезает и сам человек, а «сверхчеловек» оказывается равнозначным удовлетворенному животному.

«Набросок...» был опубликован в то время, когда Западная Европа быстро двигалась к экономической интеграции, в нем видели на тот момент некий предварительный эскиз ЕС. Недавно о нем вспомнили в иной конstellации. Дж. Агамбен в газетной статье вспомнил об этом «Наброске» в связи с тем, что в рамках ЕС средиземноморские страны обречены на отсутствие экономического роста и высокую безработицу — от зоны евро выигрывает только ФРГ, а потому не стоит ли воспользоваться советом Кожева и подумать о союзе романских народов, который обособится от стран Северной Европы и прежде всего Германии? Последовала чрезвычайно раздраженная реакция значительного числа ангажированных ученых и журналистов³⁶ — написанный 70 лет назад текст, оказывается, целиком не устарел. Критерием является даже не наличие многочисленных сторонников — они есть, но не им принадлежат СМИ, их голос почти не слышен; зато яростная отповедь в ведущих газетах и журналах свидетельствует об актуальности проекта «Латинской Европы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Kojève A. L'Empire latin. Esquisse d'une doctrine de la politique française // La Règle du jeu. 1990. Vol. 1. № 1. P. 89–113.* Перевод на русский язык: *Кожев А. Набросок доктрины французской политики (27 августа 1945 г.) // Прогнозис. 2005. № 1. С. 16–54.*

² Об этом упадке писали многие свидетели и участники политической жизни. См., например, воспоминания Р. Арона (*Арон Р. Пристрастный зритель. — М.: Праксис, 2006. С. 67–90.*) Яркое свидетельство принадлежало виднейшему французскому историку (см.: *Блок М. Странное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году. — М.: РОССПЭН, 1999.*)

³ *Кожев А. Набросок доктрины французской политики... С. 18.*

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Кожев специально оговаривает случай Португалии, которая пока что не может войти в такой союз – не из-за режима Салазара, но из-за значительно-го влияния Великобритании. Португалия может войти в этот союз несколько позже.

¹³ См.: *Бердяев Н.А.* Национализм и империализм // *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М. 1990. С. 107–113.

¹⁴ *Кожев А.* набросок доктрины французской политики... С. 29.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Руткевич А.М.* Рукопись А. Кожева «София, фило-софия, феноменология» // *Вопросы философии.* 2014. № 12.

¹⁷ См.: *Strauss L.* De la tyrannie. Suivi de Correspondance avec Alexandre Kojève (1932–1965). – Paris: Gallimard, 1997. P. 301.

¹⁸ *Gentile E.* Qu'est-ce que le fascisme? Histoire et interpretation. – Paris: Gallimard, 2002. P. 321.

¹⁹ В письме Л. Штраусу (12.11.1936).

²⁰ Его рукопись начала 1930-х гг. «Атеизм» очевидным образом указывает на этот труд Хайдеггера.

²¹ См.: *Ницше Ф.* Воля к власти. – М., 2003. С. 519.

²² *Kojève A.* Introduction à la lecture de Hegel. – Paris: Gallimard, 1947. P. 176.

²³ Ibid. P. 55.

²⁴ Ibid. P. 117.

²⁵ Ibid. P. 118.

²⁶ Ibid. P. 119.

²⁷ Ibid. P. 265.

²⁸ Ibid. P. 120.

²⁹ Ibid. P. 121.

³⁰ *Strauss L.* De la tyrannie. P. 307–308.

³¹ *Kojève A.* Introduction. P. 204.

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 219.

³⁴ Можно сопоставить эти тезисы Кожева с работой К. Шмитта «Римский католицизм и политическая форма» (1923).

³⁵ Если вспомнить последнюю книгу В. Соловьева, о которой Кожев написал свою диссертацию в Германии, то неизбежно всплывет сравнение такого «сверхчеловека» с «Антихристом».

³⁶ В первую очередь, немецких. См., например: *Kaube J.* Bald Latineuropa? Berlusconi Philosophy liebt krude Thesen // *Frankfurter Allgemeine.* 16.05.2013.

REFERENCES

- Aron R. *Spectateur engagé.* Moscow, Praxis, 2006. 416 p. (Russian trans.).
Berdyayev N.A. Nationalism and imperialism. In: Berdyayev N.A. *The fate of Russia.* Moscow, 1990, pp.107-113 (in Russian).

Bloch M. *L'Étrange Défaite*, 1940. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 1999. 287 p. (Russian trans.).

Gentile E. *Qu'est-ce que le fascisme? Histoire et interpretation*. Paris, Gallimard, 2002.

Kaube J. Bald Latineuropa? Berlusconi Philosophy liebt krude Thesen. In: *Frankfurter Allgemeine*. 16.05.2013.

Kojève A. *Introduction à la lecture de Hegel*. Paris, Gallimard, 1947.

Kojève A. L'Empire latin. Esquisse d'une doctrine de la politique française. Dans: *La Règle du jeu*. 1990. Vol. 1. No 1, pp. 89-113.

Kojève A. Outline of the doctrine of French politics (August 27, 1945). In: *Prognosis*. 2005. No 1, pp. 16-54 (Russian trans.).

Nietzsche F. *The Will to Power*. Moscow, 2003 (Russian trans.).

Rutkevich A.M. The Manuscript of A. Kojève «Sophia, philo-sophia, phenomenology». In: *Voprosy filosofii*. 2014. No 12 (in Russian).

Strauss L. *De la tyrannie. Suivi de Correspondance avec Alexandre Kojève* (1932-1965). Paris, Gallimard, 1997.

Аннотация

Написанный А. Кожевом в августе 1945 г. «Латинская Империя. Набросок французской внешней политики» был посвящен далеким от философии экономическим и политическим сюжетам. Однако он имел прямое отношение и к философии истории, и к философии религии Кожева. Основной темой данной статьи является то место, которое занимают в его историософии христианство в целом, и католичество в частности.

Ключевые слова: нация, империя, философия истории, господин и раб, христианство, католичество.

Summary

Written in August 1945 the text of Alexandre Kojève on Latin Empire concerned economic and political matters of that time, but it had also to do with Kojève's Philosophy of History and his understanding of Christianity in general, and particularly of Roman Catholicism.

Keywords: nation, empire, philosophy of history, master and slave, christianity, catholicism.